

Янина.А

Нечисть
из
Бабушкиных
Сказок



Янина Оришеч

Нечисть из Бабушкиных сказок

<https://litres.ru/74313892>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старые сказки, которыми бабушка пугала в детстве, оказались вовсе не выдумкой. В глубине забытых деревень и непроходимых лесов всё ещё живут те, о ком давно предпочитают не вспоминать: затаившиеся в камышах мавки, своенравные лешие и нечисть, жаждущая людских душ. Когда грань между бытом и древними суевериями рушится, герои столкнутся лицом к лицу со страхами из собственного прошлого. Смогут ли они выжить там, где древние придания обретают плоть и жаждут крови?

Содержание

Пролог	4
Глава первая	6
Воспоминание	6
Глава вторая	24
Тайна	24
Глава третья	44
Изменения	44
Глава четвертая	59
Долги	59
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Янина Оришеч

Нечисть из

Бабушкиных сказок

Пролог

Нас всех в детстве учили простым правилам: не свисти в доме — проклянешь беду; не смотришь в треснувшее стекло; не ходи в одиночку к ночной реке и не забывай ставить на стол угощение для того, кто живёт под полом. Мы выросли, посмеиваясь над старыми суевериями, и были свято уверены: всё это — лишь бабушкины байки, чтобы уложить нас спать пораньше. Но что, если эти байки писались кровью? Пока вы пьёте утренний кофе, строите планы на будущее, они никуда не исчезают. Они остаются совсем рядом: в тени за шкафом, в шорохе ночных ветвей за окном, в туманной низине на краю дороги. Вы ведь и сами чувствовали это, правда? Тот самый случайный холодок между лопаток. Едва заметный силуэт, скользнувший краем глаза в пустом коридоре. Пристальный, тяжёлый взгляд в темноте, от которого перехватывает дыхание. Эта история утянет вас туда, откуда нет лёгкого пути назад, — в самый глухой сумрак древнего леса.

Садитесь поудобнее и помните: эти страницы — не выдумка. Это мир, от которого мы закрыли глаза, но который никогда не закрывал их на нас.

Глава первая

Воспоминание

Набитый до отказа рюкзак никак не хотел закрываться. Я со вздохом присела на него сверху, с силой потянула молнию и на мгновение замерла, сдувая со лба выбившуюся прядку. Из коридора доносился привычный утренний шум: отцовский кашель, звяканье ложки о чашку и торопливые шаги мамы.

— Тась, ну ты скоро там? — мама заглянула в комнату, на ходу поправляя причёску и критически осматривая гору вещей на кровати. — Автобус через сорок минут. Отец уже нервничает, что в пробки встанем.

— Да иду я, иду, — прокричала я, всё-таки победив молнию на рюкзаке.

— Мам, а почему еду именно сейчас, за столько времени? Там же деревенская глушь, даже связи толком нет.

Мама мягко улыбнулась, немного замешкавшись, подошла ближе и тепло обняла меня за плечи:

— Тебе полезно разгрузить голову перед учёбой. Свежий воздух, парное молоко, речка и твои друзья. К тому же бабушка уже все уши прожужжала, как она по тебе скучает. Ей одной в большом доме тоже тяжело, поможешь по хозяйству,

ягоды соберёте. Да и в целом обстановку сменишь.

Из прихожей донёсся громкий голос отца:

— Девочки, вы там до вечера собираться будете?! Если опоздаем на рейсовый, придётся до района на попутках добираться!

— Идём, Паш! — отозвалась мама и, повернувшись ко мне, сказала:

— Давай, подхватывай сумку. Отдохнёшь от городской суеты. Всё лучше, чем всё лето в четырёх стенах у компьютера сидеть.

Я ещё раз окинула взглядом свою светлую, уютную комнату и пошла за мамой в коридор. Мне казалось, меня ждут самые обыкновенные, немного скучные каникулы в глубинке — с чаем на веранде, походами за грибами и уютными вечерами. Осторожно закрыла дверь комнаты и пошла вслед за родителями, абсолютно не подозревая, что эти «скучные» каникулы на природе перевернут всю мою жизнь.

Когда мы доехали до автовокзала, на перроне стоял привычный шум: шипение тормозов, объявления из громкоговорителей и торопливый стук колёсиков от чемоданов. Старый синий автобус до деревни уже урчал мотором, пуская из выхлопной трубы сизый дым.

— Так, рюкзак водитель убрал в багажник, пакет с гостинцами у тебя в руках, — суетливо повторяла мама, в сотый раз проверяя, всё ли они учли. Она поправила мне капюшон толстовки и ласково сжала ладони:

— Бабушке передай, чтобы не перегружала себя на огороде!

— Мам, ну я же не на край света уезжаю, — с улыбкой ответила я, хотя в груди неожиданно заскреблась лёгкая тоска.

Отец подошёл ближе, крепко обнял меня за плечи и взъерошил волосы:

— Давай, дочка, набирайся сил, дыши свежим воздухом и не скучай.

Водитель громко хлопнул дверью и объявил посадку.

— Ну всё, мне пора, — по очереди обняла родителей, ощущая тепло их рук.

— Звони, как только доберёшься! — крикнула мама, когда я уже поднималась по высоким ступеням в салон.

Я прошла к своему месту у окна, махая родителям сквозь немного пыльное стекло. Автобус медленно дрогнул и плавно тронулся с места, оставляя позади шумный город, суету и привычную жизнь. Прижав подбородок к ладони, я стала разглядывать уплывающий перрон.

Поездка длилась почти четыре часа. А после рейсовый автобус оставил меня на пыльной обочине и уехал. Я прошла по знакомой улице, тяня за собой тяжёлый рюкзак, и остановилась у старенького покосившегося голубого забора.

Подойдя к крыльцу, на мгновение замерла. Из-за двери пахло сушёным чабрецом, свежим хлебом и старой древесиной — теми самыми запахами из глубокого детства. Я нерешительно постучала в слабенькую деревянную дверь.

За дверью послышалась суета, зазвенели ключи, и створка со скрипом отворилась.

— Внученька моя! — ахнула бабушка и сразу же горячо, крепко заключила меня в объятия.

— А вот и я! — улыбнулась я, с облегчением уткнувшись носом в её тёплую шаль и продолжая обнимать её в ответ.

Когда я чуть отстранилась и стала разглядывать бабушкино лицо, сердце тихо сжалось. Как сильно она изменилась за то время, что мы не виделись. Бабушку Веру я не видела уже несколько лет: паутинка глубоких морщинок вокруг глаз стала гуще, седина полностью покрыла волосы, а сама она казалась чуть меньше и хрупче, чем в моих детских воспоминаниях. Но её взгляд оставался всё таким же искренним и родным.

— Ну чего стоишь на пороге? Заходи, заходи скорей! — стала настырно звать меня бабушка Вера, подхватывая мой рюкзак и приглашая в дом.

— С дороги небось устала, весь путь в этом автобусе!

Переступив порог, тяжёлая дверь за моей спиной закрылась. Я медленно осмотрелась по сторонам. В доме всё оставалось точно таким же, каким я помнила его маленькой девочкой, только времени вокруг будто стало больше. В центре кухни возвышалась огромная, выбеленная известью русская печь. Из её глубины тянуло сухим, приятным жаром, а на чугунной плите тихо поблёскивал старый пузатый чайник, отходя мелким паром. На окнах висели белоснежные кружев-

ные занавески. А на полу узорами тянулись разноцветные половики. В углу под иконой тихо тикали старинные ходики с тяжёлым гиревым маятником, намеряя неспешный деревенский ритм. В воздухе витал густой, душевный аромат: смесь топлёного молока, и печной гари. На массивном дубовом столе уже стояла глубокая миска с ещё горячими пирожками, накрытая льняным полотенцем.

— Ну вот и дома, — тихо прошептала про себя, чувствуя, как городская суета окончательно растворяется в этом неторопливом, глубоком покое. Бабушка всю хлопотала рядом со мной, стараясь во всём угодить.

— Проходи, Тасенька, разувайся! — суетилась бабушка Вера, забирая из моих рук рюкзак и аккуратно приставляя его к лавке.

— С дороги-то отдохнуть надо. Я вот только-только пирогов с брусникой напекла, чайник заварила.

Я прошла к столу, провела пальцами по гладкой, отполированной годами деревянной столешнице и опустилась на резную табуретку. В доме было так тихо, что слышалось лишь потрескивание остывающих углей в печи да мерное тиканье часов.

— Держи, милая, — бабушка поставила передо мной большую глиняную кружку, от которой поднимался пар с ароматом душицы и мяты, и пододвинула миску с пирожками.

— Спасибо, ба, — улыбнулась я, с удовольствием вдыхая

знакомый с детства запах, делая глоток.

— У вас тут время будто совсем остановилось. Всё то же самое, как и пять лет назад.

— Оно и к лучшему, Тасенька, — тихо ответила бабушка, садясь напротив и подпирая щёку ладонью. Она смотрела на меня с такой бесконечной теплотой, но где-то в глубине её глаз промелькнула едва уловимая, непонятная мне грусть.

— В нашем краю перемены редко к добру приводят...

Я откусила край ещё горячего пирожка и задумчиво посмотрела в окно.

— Бабуль, спасибо! Всё очень вкусно, — я вытерла губы салфеткой и, поднимаясь из-за стола, на ходу подхватила с лавки джинсовую куртку.

— Пойду к ребятам схожу, прогуляюсь! Может, хоть они тут изменились за эти годы, — с усмешкой ответила и вышла на крыльцо.

Перед глазами открылась знакомая картина. Во дворе весело играли ребята, а их звонкий смех разносился по всей деревне, наполняя улицу беззаботностью. Сердце приятно сжалось от долгой разлуки. Первым, кого я узнала, был Толя. За эти годы он превратился в настоящего богатыря: высоченный, плечистый, с широкой добродушной улыбкой. На нём была слегка растянутая рубашка в клетку с засученными рукавами, а из-под густой тёмной чёлки смотрели тёплые, смеющиеся карие глаза. От Толи всегда веяло надёжностью и спокойствием — этаким деревенский добряк, готовый в лю-

бой момент подставить крепкое плечо. Рядом с ним на перилах беседки балагурил Миша. Полная противоположность Толе — худой, юркий, словно натянутая струна. Его суетливые движения и светлые вихры выдавали в нём непоседу и главного местного заводилу. В руках у него, как и пять лет назад, была старая гитара, а на лице играла хитрая, дерзкая ухмылка. Похоже, с возрастом его тяга к авантюрам и проказам никуда не исчезла. Чуть отдалённо, на скамейке, о чём-то шептались девчонки. Даша — сдержанная, с длинной тёмной косой ниже пояса, аккуратно уложенной через плечо. В её внимательном взгляде серо-зелёных глаз читалась недетская мудрость и рассудительность. Она всегда была голосом разума в нашей компании, и сейчас её аккуратный, опрятный образ лишь подчёркивал эту взрослую серьёзность. И, наконец, Маша — яркая, словно вспышка, хохотушка с россыпью золотистых веснушек по всему носу и щекам. Её рыжеватые кудряшки хаотично выбивались из небрежного пучка, а сама она не могла просидеть спокойно и секунды, активно жестикулируя тоненькими руками и тонко смеясь над очередными байками Толи.

— Эй, народ! — крикнула я, ускоряя шаг.

— Таська! Таська приехала! — наперебой закричали ребята.

К ним навстречу летела так, что только пятки сверкали. Мы сжались в одном общем крепком объятии и стояли так пару минут, никак не способные отпустить друг друга.

— Привет, ребята! — радостно сказала я, ещё не переводя дыхание после бега.

— Ну что, городская, а как похорошела-то, как изменилась! — искренне восхитился Толя.

Девчонки улыбались, с любопытством рассматривая мою стильную городскую одежду.

— Да я смотрю, вы тоже времени не теряли! Парни-то как возмужали, а девчонки — просто красавицы!

Машка по старой привычке взъерошила мне чёлку.

— Эй, ну ты чего! Причёску же испортишь!

— Ой, да ладно тебе, привыкай! Ты теперь на целых три месяца деревенская!

— Ну как там город? — с интересом спросил Миша.

— Живёт, времени не теряет. Все куда-то спешат, всё время куда-то торопятся. Я вот школу на отлично закончила.

— Ну ты всегда зубрилой была, — усмехнулась Даша.

— А вы-то как? — спросила я, окинув ребят взглядом.

— Смотрю, здесь ничего не поменялось. Те же тропы, те же люди.

Ребята переглянулись и немного замялись.

— Ну да... — нервно улыбнулась Маша.

На несколько секунд повисла неловкая тишина. Мы снова заговорили все разом, перебивая друг друга, смеясь и пытаясь рассказать обо всём, что произошло за эти годы. Казалось, времени и слов нам не хватит, чтобы наверстать всё упущенное. Но тут нас перебил голос бабушки:

— Тася, домой!

— Ребят, мне надо домой забежать. Переоденусь хоть во что-то более подходящее, — с усмешкой сказала я. — Давайте встретимся на нашем старом месте в семь?

Ребята дружно кивнули и рванули вперёд. Тем временем я неспешно побрела обратно к дому. Воздух был пропитан сладким ароматом свежескошенной травы. Где-то вдалеке слышались кудахтанье кур, фыркание лошадей и лай собак. А на душе становилось удивительно беззаботно и спокойно. Как же жаль, что нам когда-то пришлось отсюда уехать. Родители так и не дали мне внятного ответа, лишь отмахнулись: мол, деревенская жизнь — это не наше. Но я-то отлично помнила тот день. Мы уезжали так, будто за нами гналась невидимая погоня: в спешке бросали вещи в сумки, на ходу покупали первые попавшиеся билеты. Для меня это так и осталось неразгаданной тайной: что же заставило нас бежать тогда? От моих мыслей меня перебил голос бабушки:

— Ну что, внуча, оглядела окрестности? — тепло улыбнулась бабушка.

— Да! Всё такое родное. Прямо как в детстве.

— Это точно, — вздохнула она. — Деревню никакой, даже самый красивый город не заменит.

— Кстати, о деревне, бабуль, пока я шла, всё думала... А почему в тот день, когда мы уезжали отсюда, мы летели быстрее пули? Что тогда вообще случилось?

Бабушка заметно замешкалась, явно не ожидая такого во-

проса.

— Ну... внуча, родителей ты своих знаешь. Они ведь всегда рвались в город. А тут как раз работа подходящая подошла, вот и...

Она вдруг запнулась и замолкла, будто на секунду наяву перенеслась в тот далёкий день.

— Бабуль, а дальше-то что? — поторопила я её.

— А? Да ну... работу предложили, вот и рванули, — невпопад буркнула бабушка и тут же перевела тему:

— Пошли в дом лучше, а то еда совсем остынет. В доме стоял восхитительный аромат наваристого борща и едва сладковатый запах свежееиспечённых ватрушек. На пороге, об мою ногу, сразу стал тереться пушистый Мурзик. Погладив кота, я уселась за стол и стала разглядывать старинные картины и иконы, висевшие над печью. На окнах красовались вышитые занавески, а мой взгляд то и дело возвращался к бабушке, хлопотавшей на кухне, то вновь скользил по старой деревянной мебели, хранившей в себе дух прошлых поколений. Бабушка присела напротив. Довольно улыбалась, наблюдая, с какой охоткой и аппетитом я ем ватрушки.

— Как же ты повзрослела, моя девочка... — бабушка с нескрываемым интересом и теплотой разглядывала меня через стол.

— Да, прошло много лет, бабуль, — улыбнулась и, почувствовав, как с этого момента всё поменялось.

— И чем же ты там, в своём городе, занимаешься?

— Гуляю, школу вот закончила... Сейчас хочу в институт поступать, в художественный.

Бабушка тихо ухнула.

— А в детстве-то ты медсестрой стать хотела!

Я лишь пожала плечами и с особым аппетитом продолжила уплетать её пышные, ещё горячие ватрушки.

Мы с бабушкой с искренним удовольствием обсуждали былые дни, перебирая в памяти и с интересом распутывая смешные, давно забытые детские моменты. Как мой взгляд невольно остановился на старинных часах, потемневших от времени. На мгновение я замерла, а затем с удивлением воскликнула:

— Ой, мне же бежать уже пора! Мы с ребятами договорились встретиться, хотим прогуляться.

— Хорошо, — вздохнула бабушка.

— Только у нас с тобой будет уговор.

Я, одновременно дожёвывая ватрушку и пытаюсь обуться в тесноватом коридорчике, буркнула:

— М-м?

— Домой нужно прийти до того, как зайдёт солнце. И главное — ни в коем случае не оставайся в это время у ручки.

— Ой, ба-а, мне же не пять лет!

— Я уже, как-никак, взрослая девушка, могу и до поздно задержаться.

Но бабушка ответила тревожным голосом:

— Я всё понимаю, Тась. Но, пожалуйста... сделай, как прошу. Приди домой до заката.

Настойчиво ответила бабушка.

— Ладно-ладно, бабуль!

Я на ходу чмокнула её в тёплую, пахнущую выпечкой щеку и быстро вылетела на встречу к друзьям. Издалека увидела ребят, весело резвившихся на залитом солнцем лугу. Они смеялись, бегали друг за другом и собирали ромашки, из которых, наверное, уже собирались плести венки. Пока ребята увлечённо собирали цветы, я незаметно подкралась к ним со спины и как визгну:

— А-а-а!

Те как ошпаренные вскочили и заорали в один голос:

— Тася! Ты что вытворяешь?! Напугала до полусмерти!

Дашка, прижав руку к груди, смотрела на неё возмущённым взглядом.

— Ну вы так скучно и грустно собирали эти ромашки, что я просто решила вас немного подбодрить! — посмеялась я.

Машка, как в старые добрые времена, подошла и с улыбкой взъерошила мне макушку:

— Дурёха ты, Таська!

Тем временем парни достали из рюкзаков бутылки с водой и с размаху начали нас обрызгивать. В воздухе мгновенно воцарился смех, визг и то самое ощущение полной, беззаботной свободы.

— Уф, всё, стойте! Передышка! Я устала... — задыхаясь

от смеха, выдохнула я.

— Ха-ха, что, надышалась своим загазованным городским воздухом? — с подначкой ухмыльнулся Толя.

— Ой, да иди ты!

— Не, ну а что? Смотри, никто из нас так не дышит, только ты! — подхватил Мишка и снова брызнул в нас струёй воды.

Веселье прервал звонкий, но резко изменившийся голос Даши:

— Ребят... солнце почти село. Надо по домам расходиться.

Смех тут же оборвался. Ребята мгновенно изменились в лице и начали торопливо собирать вещи в рюкзаки.

— Ребят, да что не так-то? Почему все твердят про этот заход солнца? Мне бабушка перед выходом буквально то же самое сказала!

Все резко замолчали, переглядываясь между собой. На луг нависла тяжёлая тишина.

— Да в чём дело-то?! — уже с явным напряжением в голосе переспросила я.

— Да ни в чём, особых причин нет, — ответил Толя, стараясь не смотреть мне в глаза. — Просто... родители беспокоятся. Уговор у всех такой: до заката солнца все должны быть дома.

— Может, хотя бы заглянем на наше место у речки?

— Нет, Тась, не успеем, — сразу отрезала Даша.

— Да бросьте! Ну что нам предки сделают? Максимум по попе надают и всё!

Ребята снова напряжённо переглянулись. Мишка на секунду задумался и едва заметно кивнул, давая понять, что ненадолго заскочить всё-таки можно.

— Ладно, — сдалась Даша. — Но только быстро!

Мы прибавили шаг и побежали к нашему заветному уголку. Солнце уже почти касалось горизонта, окрашивая небо в алые тона, а с противоположной стороны уже вовсю разгорался бледный диск луны. Минут через десять мы уже были на месте.

— Ребят, а помните, как мы прыгали с тарзанки? — со смехом вспомнила я. — А Толя потом расплакался, потому что ему резко стало страшно прыгать!

Наш дружный хохот эхом разнёсся над засыпающим лесом и речной гладью.

— Да-да! — подхватил Миша. — А помните, как Машка «потерялась», когда пошла за грибами? Хотя на самом деле ей надо было просто голову назад повернуть!

Мы захлёбывались воспоминаниями, наперебой перебивая друг друга и возвращаясь в то лёгкое, беззаботное детство. Но наше веселье снова оборвал тревожный голос Даши:

— Всё, ребят, хватит. Собираемся и уходим. И желательно побыстрее.

Парни и девчонки тут же смолкли и стали торопливо подбирать свои вещи. А я не удержалась и присела на старый

плоский валун. В детстве это было моё самое любимое место: огромный камень, выступающий прямо из воды, с которого так удобно было наблюдать за течением...

Я смотрела в тёмную вдаль, снова и снова задаваясь одними и теми же вопросами. Почему родители так скоростижно сбежали отсюда? Почему за столько лет я смогла приехать только сейчас? Мысли крутились в голове одна за другой, не давая покоя. Как вдруг мой взгляд зацепился за гладь воды. Мне мельком показалось, что из-под воды на меня смотрят два огромных, мертвенно-белых глаза. Они не просто отражали уходящее солнце — они будто въедались прямо в душу, гипнотизируя и лишая способности дышать. Я резко вскочила с камня, сердце бешено заколотилось в груди.

— Таська! А ну быстро слезай с камня и бегом сюда! Ты что творишь?! — на эмоциях закричала Маша, выдёргивая меня из оцепенения. Я не смогла вымолвить ни слова, всё ещё находясь в шоке от увиденного в реке. Маша больно схватила меня за руку и на пределе сил потащила прочь от берега, напрямик к деревне. Мы летели без оглядки сквозь густую лесную чащу. Ветки хлестали по лицу, корни путались под ногами, но никто даже не думал останавливаться, пока перед нами не показались силуэты стареньких, но таких уютных и родных избушек. Запыхавшаяся, едва переводившая дыхание, Маша резко остановила меня у самого дома и тяжело буркнула:

— Из дома не высовывайся. В окна ночью старайся не

смотреть. И в целом... просто ложись спать. Завтра будет день — будет и пища. Всё объясним потом. Она ласково взъерошила мне волосы, улыбнулась и, попрощавшись, побежала к себе домой. На пороге крыльца меня сразу же встретила бабушка:

— Я что тебе говорила?! До захода солнца быть дома! — отчеканила она непривычно грозным тоном. Вообще бабуля была наимилейшим человеком, который и мухи не обидит, но если уж её по-настоящему разозлить — никому не сдобровать.

— Прости, ба, я просто... загулялась.

— Тась, в следующий раз слушайся меня, пожалуйста. Если я сказала быть дома до захода солнца — значит, так нужно!

Я стыдливо опустила взгляд, всё ещё не в силах окончательно прийти в себя после пережитого шока.

— Да поняла, поняла... Бабуль, я пойду к себе в комнату, очень устала.

— А как же... — только и успела начать бабушка, но перебив их её на полуслове:

— Кушать не буду! — буркнула я и поспешила скрыться к себе в комнату.

Сняв с себя одежду, я устало улеглась на кровать. Тело наконец расслабилось после долгого дня, а веки сами собой начали тяжелеть. Но стоило только опустить голову на прохладную подушку и прикрыть глаза, как перед взором тут же

всплывают они. Эти глаза. Безжизненные, пустые, неотрывно смотрящие прямо на меня... Почти всю ночь я не могла сомкнуть глаз. В темноте не покидало удушливое ощущение, будто кто-то стоит совсем рядом — буквально под боком, на расстоянии вытянутой руки. Но стоило мне перебороть страх и взглянуть в тусклый полумрак комнаты, освещаемый лишь бледным лунным светом, как это чувство мгновенно испарялось. «А может, мне просто показалось?» Я вела бесконечный спор сама с собой, пытаюсь найти хоть какое-то логичное объяснение.

— Я ведь весь день провела на солнце, вот голову и припекло. Или просто перенервничала, от избытка впечатлений после возвращения в родные края?.. Но эти глаза... Я же отчётливо помню, как они смотрели на меня из воды! Что это было? Игра воображения? Или же в реке действительно таится некое существо?

«Да бред, — одёргивала себя, — это всё глупые страшилки на ночь, которыми нас пугали в детстве!»

И всё же...



Глава вторая

Тайна

Открыв глаза, я оглядела светлую маленькую комнату. За окном вовсю задорно пел петух. В комнате витал лёгкий, уютный запах свежесваренного чая с малиной и мятой. Я сладко потянулась всем телом, прогоняя остатки сна.

— Как же приятно просыпаться в такой обстановке... — шепнула сама себе.

Потерев глаза, поднялась с кровати и вышла на кухню, где бабушка уже хлопотала у печи.

— Бабуль, доброе утро!

— Доброе, доброе, внученька. Как спалось? — тепло улыбнулась она, подкладывая на тарелку румяный блин.

— Просто великолепно!

— Заходила к тебе ночью, укрыть одеялом. Ты во сне всё бормотала что-то, ворочалась... Сон плохой снился?

— Да я уже и не помню особо, — отмахнулась я.

— Ну, садись за стол. Как раз нам чайку вкусного заварил.

Ещё толком не проснувшись, нелепо потянулась и опустилась на деревянный стул. Потихоньку разум приходил в порядок, а вместе с ним возвращались и смутные воспоми-

нения о вчерашнем вечере. Сглотнув, я решила осторожно спросить:

— Ба, слушай... А у вас тут не происходит ничего странного?

Бабушка на секунду замерла с чайником в руках и вопросительно выгнула бровь:

— В каком это плане — странного?

— Ну... — я замялась, понимая, как глупо это звучит, и не стала продолжать прямым текстом.

— Ну, что-то вроде... очень больших комаров? Или каких-то необычных насекомых? — неуверенно и нервно выдавила из себя.

Бабушка облегчённо усмехнулась и качнула головой:

— Ой, да жуки у нас в этом году какие-то здоровые появились! По-моему, из странного — это всё. Весь огород мне, окаянные, пожрали.

Я нервно посмеялась и почесала макушку, чувствуя, как уходит напряжение:

— Ну, понятненько... Бабуль, я, пожалуй, пойду прогуляюсь?

— Конечно, внуча, иди, подыши воздухом, — бабушка вдруг стала серьёзнее и строго посмотрела мне прямо в глаза. — Только главный уговор помнишь? До заката чтобы была дома.

— Да-да, конечно, помню! — быстро ответила и выбежала на крыльцо.

Пока я шла по узкой тропке к дому Маши, в голове круг за кругом прокручивались слова Маши. В окно ночью не смотри... С порога после заката не выходи...

— Да леший вас всех побери! — прошипела в пустоту. — Что вы от меня все скрываете? Я чувствовала себя полной дурой. Такое ощущение, будто абсолютно все вокруг знают какую-то страшную тайну, а я одна хожу в неведении, как слепой котёнок.

Пока вела этот злой монолог с самой собой, даже не заметила, как очутилась у знакомого крыльца. В огороде, пригибаясь к грядкам, копошились Машины родители.

— Здравствуйте, тётя Серафима, дядя Борислав!

Они одновременно разогнулись и радостно мне улыбнулись:

— О, добрый день, Таисия!

— А Маша дома?

— Да у себя в комнате сидит, — дядя Борислав опёрся на лопату, вытирая пот со лба.

— Ты проходи, проходи, девица! Господи, как выросла-то... Я ж тебя совсем малышкой помню. Чего ж так долго не заглядывала к нам?

Я немного замешкалась, переминаясь с ноги на ногу:

— Да город, знаете... Все эти дела: то учёба, то в разъездах постоянно.

Они понимающе переглянулись и синхронно покачали головами.

— Ну, дело молодое. Ты заходи в избу-то, не стой на пороге.

Я поднялась по скрипучим деревянным ступенькам и прошла в дом, безошибочно найдя нужную дверь.

— Привет, Машка!

— Таська! Проходи! — Маша подскочила мне навстречу.
— А я тут талисман вяжу.

Пройдя в глубину комнаты, я опустилась на застланную пёстрым покрывалом кровать. На коленях у подруги покоилось странное плетение из сухих трав, цветных нитей и мелких косточек.

— Какая красота...

Маша всегда была мастерицей на все руки: то из бересты что-то вырежет, то из трав оберег скрутит. У неё в руках любая вещь будто оживала.

— У меня, кстати, всё ещё хранится тот оберег, что ты мне в последний раз подарила.

Маша довольная расплылась в улыбке и, сев чуть ближе, привычным движением взъерошила мне волосы.

— А этот кому вяжешь? — аккуратно спросила я, разглядывая странные узелки.

— Скоро Великий праздник, — серьёзно ответила Маша, не прерывая своей работы. — Нужно принести подарки. Чтобы задобрить.

— Праздник? — переспросила я, почувствовав, как по спине пробежал лёгкий холодок. — Какой ещё праздник?

Кого нужно задобрить?

Маша отложила шитьё, посмотрела на меня долгим взглядом и серьёзным тоном сказала:

— Садись поудобнее. Сейчас я тебе всё расскажу... Тебе нужно это знать! Ты только это... не пугайся, ладно? Постарайся это уложить в голове, что я скажу. Вообще... У нас каждый год вся деревня собирается на один праздник, — тихо начала Маша, аккуратно затягивая очередной узелок. — Называется Духов день. Он начинается в начале лета. К нему все готовятся заранее: каждый дом обязательно что-то мастерит. Кто-то вышивает узоры на льне, кто-то режет по дереву, а кулинары выпекают горы угощений.

— И что потом с этим делают?

— А днём все идут к речке в глушь леса или на гору. На ветки деревьев подвешивают цветные ленты, сушёные травы, вязанные талисманы... Люди просят высшие силы, чтобы те не трогали деревню и не беспокоили народ. Показывают, что пришли с миром и дарами.

Маша замолчала на секунду, разглядывая свою работу, а потом продолжила:

— А уже к вечеру, перед самым заходом солнца, все сходится на площади в центре деревни и устраивают шумный пир. Но как только последний луч солнца скроется за деревьями — всё. Праздник окончен. Все разбегаются по домам и запираются на все засовы.

Не выдержав рассмеялась:

— Ха-ха! Машка, ну и ты туда же? Ты что, и вправду веришь во все эти сказки?

— Я не просто верю, Тась, — Маша подняла на меня абсолютно спокойные, серьёзные глаза. — Я их видела.

— Ха-ха-ха! — буквально залилась смехом, держась за живот.

Я была уверена, что подруга просто решила меня разыграть и нагнать жути. Но Маша даже не улыбнулась. Она сидела неподвижно и молча ждала, пока у меня пройдёт этот приступ хохота. Стерев выступившую слезу и переведя дыхание, я снова вернулась к разговору, всё ещё с усмешкой на губах:

— Да ну тебя! И кого же ты, интересно, видела?

Маша подалась чуть вперёд и произнесла почти шёпотом, от которого у меня внутри всё похолодело:

— Духов. Русалок на старой пристани. Лешего у оврага... И ещё много всякой нечисти, у которой даже имён нет.

— Если не веришь мне — у ребят спроси, — тихо, но твёрдо добавила Маша. — Вся деревня об этом знает. И все их боятся. Потому что по ночам они выходят на охоту и убивают каждого, кто попадётся на глаза. Русалки заманивают к воде и затягивают в омут — оттуда ещё никто не возвращался. Лешие уводят глубоко в чащу, путая тропы, откуда не выбраться. А ещё твари... зверьё, что в три раза больше обычных волков и медведей. Они просто разрывают людей в клочья. Маша на секунду запнулась и вздохнула:

— Гибнут в основном приезжие, городские... Все те, кто не верит в это и думает, что всё это сказки. Пойдут прогуляться ночью под луной — а там уже всё. Беда.

Маша опустила глаза и снова взялась за свои нити и косточки. Между нами повисла тяжёлая тишина.

И тут меня будто током ударило. Словно вспышка в темноте, перед глазами встал вчерашний вечер. Те безжизненные, белые глаза в воде, смотревшие прямо на меня из глубины...

— М-маш... — горло сжало сухим спазмом, голос превратился в хрип.

— Я знаю, знаю, в это тяжело поверить, — перебила она меня с сочувствием. — Нам ведь с измальства твердят про домовых, леших, Бабу-ягу... Столько мультиков сняли, столько книжек написано! Конечно, всё это кажется глупыми выдумками. Но нет, Тась. Они существуют. И они куда страшнее, уродливее и могущественнее, чем рисуют в сказках.

— Помнишь, когда мы были у реки перед самым заходом солнца? Я... я увидела в воде глаза. Стекланные такие, нечеловеческие. Но тогда решила, что просто перегрелась на солнце! Или что мне мерещится всякое от усталости... Но как? Как такое вообще может быть?! Это же бред! Нас же учили, что их не существует!

— Тише, тише ты, не кричи, — Маша отложила оберег и мягко положила свои холодные пальцы на мою дрожащую

руку.

— Знаю, что это шок. Но так живёт вся наша деревня. И кто знает... кто знает, в каких ещё глухих деревнях по всей стране живут точно такие же тайные «соседи».

Я ничего не стала объяснять Маше. Наплевав на всё, сорвалась с места и выскочила из дома, почти не помня себя.

Ноги сами несли меня к бабушкиной избе. Я бежала из последних сил, спотыкаясь о мелкий щебень, раздирая до крови пальцы на ногах. Слезы застилали глаза — я рыдала то ли от дикого страха перед тем, что узнала, то ли от досады, ведь это место всегда казалось мне тихим и безопасным. А больше всего, наверное, — от осознания того, что именно видела в тот вечер на реке. Всё перемешалось внутри в какой-то кошмарный ком.

— Бабушка! Ба-а! — мой дрожащий, сорванный на крик голос раскатился по всей улице. Забежав в дом, я поняла, что бабушки нет ни в одной из комнат. Растерянно огляделась, надеясь, что она вот-вот выйдет мне навстречу. Паника накрыла с головой.

— Бабуля! — снова вскрикнула я, едва не задыхаясь.

Вдруг с улицы донёсся глухой отклик. Бабушка копошилась на грядках в огороде. Выскочив на задний двор.

— Господи, дитя моё! Что стряслось-то? Чего всю деревню на уши подняла? — обеспокоенно всплеснула руками она, вытирая испачканные в земле ладони о фартук.

— Бабушка! — прижимая руки к пылающей груди.

— Внученька, ну я хоть и плохо вижу, но пока не глухая! Чего кричишь-то так?

— Все те сказки, что ты читала мне в детстве... это всё правда?!

Бабушка на мгновение замерла, а потом мягко, чуть растерянно посмеялась:

— Ну конечно же нет, глупенькая! Как может быть правдой, что плюшевые мишки оживают? Да что с тобой приключилось-то, на ком лица нет?

Она даже не поняла, к чему я веду. В её представлении я всё ещё была маленькой девочкой.

— Да нет, бабуль! Не в совсем младенческом! Постарше! — я захлёбывалась слезами, сжимая кулаки. — Я помню... помню, как в детстве за печкой постоянно что-то шуршало и вздыхало! А ты сказала, что это домовый сердится! И все эти русалки... и глаза в воде вчера! Я видела их, бабушка! Видела!

Я смотрела на неё, дрожа всем телом и умоляя взглядом сказать, что просто сошла с ума.

Но бабушка не засмеялась. На её лице медленно угасла последняя улыбка. Она мгновенно побледнела, словно из неё выкачали всю кровь, и бессильно опустила руки. Тяжёлая тишина зависла над огородом. Бабушка закрыла глаза, глубоко вздохнула и долго не могла начать говорить, словно соскребала со дна души последние силы, чтобы признаться. Бабушка подняла уставший взгляд на меня:

— Узнала... — шёпотом сказала она.

— Да, милая, здесь и вправду живут такие «гости».

— Подожди, а почему мне сразу никто ничего не рассказал? Никто из вас! — Я с обидой и недовольством посмотрела на бабушку.

— Милая, ну скажи, пожалуйста, как бы мы тебе это объявили? Мы сами, живя здесь много лет, поверить не могли, не то что осознать.

— Подожди... Но почему нельзя просто оставить дом? Продать его, я не знаю, уехать отсюда, чтобы жить спокойно и не видеть всякой нечисти?

— Ну... — бабушка замешкалась, переводя взгляд на окно. — Знаешь, кто-то слишком привязан к этому месту и не хочет никуда уезжать. Да и к нечисти мы уже привыкли. Главное — осторожность, и она тебя не тронет. Правда... есть одно «но».

Я изогнула бровку, посмотрев на неё с немым вопросом: какое ещё «но»?

— В последнее время нечисть окаянная будто с ума сошла. Кто-то уже и днём по лесу бродит. Народ в деревне очень беспокоится.

— И что? Что вообще делать, когда они так бушуют?

— Ох, внученька, мы и сами не знаем. Такого раньше не случалось... — Бабушка задумчиво посмотрела на меня, а потом её глаза округлились.

— Хотя... Внуча, было! Было один раз!

— И когдаже?

— Когда ты с родителями уезжала. Они тогда словно сумасшедшие бушевали, из лесу слышались крики нечеловеческие! Да и вода в реке бурлила так, будто там под дном стоял огромный котёл.

— Бабушка, подожди... Значит...

— Да, внуча. Так и есть.

— Поэтому мои родители уехали? Чтобы меня сберечь?

— Да. И поэтому тебя сюду больше не пускали.

— Но как же... Постой, а почему я тогда приехала сейчас? Тем более что родители сами предложили мне съездить в деревню?!

— Этого, внученька, я не знаю. Они молчат как партизаны, так толком мне ничего и не сказали. Но предупредили, что дело срочное...

От всей этой информации у меня гудела голова. Не верилось, что все эти детские сказки существуют на самом деле.

Чтобы хоть немного прийти в себя, я решила пойти на то самое место у реки, где впервые увидела эти глаза, и убедиться, что всё это правда.

Когда пришла, вода переливалась голубоватым гляncем и сверкала от ярких лучей солнца. В лесу стояла немая, почти зловещая тишина. Я села на камень и стала всматриваться в гладь, надеясь заметить хоть что-то и подтвердить, что это правда. Но в воде виднелось лишь моё собственное искажённое отражение.

— Ничего не понимаю... — и потянулась рукой к воде, чтобы разбить эту слишком гладкую речную гладь. Но не успела коснуться воды, как сзади раздался глубокий мужской голос:

— Таська, ты чего там делаешь одна?

Я вздрогнула, резко выдернула руку из реки, и от испуга чуть не рухнула с камня прямоком в воду!

— Толя! Ну зачем так пугать?!

— Ха-ха, получается, мы квиты! — посмеялся Толька, довольный своей выходкой.

Я перевела дыхание, слезла с камня и уселась на мягкую траву рядом с ним.

— Ну, как тебе вернуться к родным краям, подруга?

— Ох, Толь... Я даже не знаю. Всё перевернулось вверх дном за этот короткий промежуток.

— Что стряслось-то? На тебе лица нет.

— Ты... знал про нечисть?

Толя заметно замешкался. А потом тихо, почти шёпотом пробормотал:

— Узнала-таки...

— Значит, знал?

— Да, Тась, знал. Мы тебе не хотели ничего говорить, потому что это повергло бы тебя в шок! И мы боялись, что ты сразу уедешь...

— Ну отлично! И вправду, все вокруг знали, одна я...

— Прости, — виновато опустил глаза Толя.

Я обиженно посмотрела на него, но долго дуться просто не умела.

— И как вы здесь уживаетесь, зная, что происходит вокруг?

Толя задумчиво почесал макушку и тяжело вздохнул.

— Да, если честно, Тась, уже привыкли... По ночам они иногда выходят, тревожат нас, но со временем перестаёшь обращать на это внимание. Днём как-то забывается, что по округе бродит лесная нечисть. А ночью ложишься спать... и стараешься просто не думать о них.

Я ошарашенно смотрела на Толю, всё ещё не в силах до конца осознать услышанное.

— И вам совсем не страшно?

Толя усмехнулся, но в его глазах не было ни капли веселья.

— Страшно. Любой шорох за окном заставлял вскакивать с кровати. А потом... привыкаешь.

— К такому вообще можно привыкнуть?

— Когда другого выбора нет — можно. Главное, самому не искать с ними встречи.

— В каком смысле?

Толя на мгновение замолчал, словно размышляя, стоит ли говорить дальше.

— Лес не любит любопытных. Кто идёт туда ради забавы, редко возвращается прежним. Одних находят через несколько дней — молчаливых, с пустым взглядом. Других не нахо-

дят вовсе.

По моей спине пробежал холодок.

— А если они сами выходят из леса?

Толя перевёл взгляд на тёмную стену деревьев, возвышавшуюся за деревней.

— Тогда лучше запереть двери, закрыть ставни и сделать вид, что никого нет дома. Они любят, когда им отвечают... Особенно если услышишь ночью, как кто-то зовёт тебя по имени.

Я невольно сглотнула.

— И... они правда знают наши имена?

Толя медленно кивнул.

— Это первое, чему здесь учатся дети. Если после заката из леса тебя кто-то позовёт... никогда не отвечай.

Я невольно сглотнула.

— Если после заката из леса тебя кто-то позовёт... никогда не отвечай.

— Почему?

— Потому что, ответив один раз, ты покажешь, что слышишь их.

На несколько секунд повисла тишина. Даже ветер будто стих.

— И что тогда?

Толя перевёл взгляд куда-то вдаль и спокойно сказал:

— Тогда они начинают приходить чаще.

По спине пробежал неприятный холод.

— Кто «они»?

— Все по-разному называют. Кто — лешими, кто — мороками, кто — заблудшими душами. Но бабушка говорит, что настоящих имён лучше не произносить вслух.

— А твоя бабушка их видела?

— Видела... И не раз. И я их видел...

— И что она рассказывала?

Толя тяжело вздохнул.

— Говорила, что нечисть никогда не приходит просто так. Если она показалась человеку — значит, ей что-то нужно. Иногда она предупреждает. Иногда играет и заманивает. А иногда...

Он резко замолчал.

— Иногда что? — тихо спросила я.

Толя поднял на меня глаза.

— Иногда приходит за кем-то.

— Но зачем?

— Этого я не знаю. Главные тут не мы, а они. Хозяева деревни.

Чувствуя, как к горлу подступает ком, я тихо спросила:

— Почему народ просто не уедет отсюда? Чтобы не случилось ничего страшного.

Толя долго молчал, а потом посмотрел куда-то мне за спину.

— Знаешь, Тась... мы прикованы к этой деревне.

— В смысле?

— В прямом. Уехать отсюда можно. Только вот вернуться обратно ты всё равно придёшь.

— Почему?

Толя нервно усмехнулся.

— Потому что деревня не отпускает своих.

Толя поднял на меня глаза. В них было что-то такое, от чего пробрало до костей.

— Потому что когда-то наши предки попросили их о помощи.

— Кого?

Он не ответил сразу.

— Хозяев.

Я нервно усмехнулась.

— Ты сейчас серьёзно?

— Хотел бы я, чтобы нет.

Толя посмотрел в сторону леса.

— Они дали деревне всё, чего люди просили. Землю. Урожай. Защиту. Даже жизнь тем, кто должен был умереть.

— А взамен?

— Взамен они попросили только одно.

Он снова посмотрел на меня.

— Чтобы никто из нас никогда не покидал эту землю. И заключили древний договор.

Я почувствовала, как внутри всё похолодело.

— Но я же уехала. И мои родители тоже.

— Да, Тась.

Толя сжал губы.

— Только ты вернулась. Бабушка рассказывала, что когда-то, много поколений назад, деревня пережила страшную зиму. Люди умирали от голода, болезни, холода — деревня практически вымерла. Тогда несколько старейшин пошли в лес и попросили спасти их. Нечисть согласилась. Но цена была странной: «Ваша жизнь — за эту землю. Пока вы живёте здесь, деревня будет жить вместе с вами».

Сначала люди решили, что речь просто о том, чтобы никогда не забывать свой дом. Но потом выяснилось настоящее условие: ни один человек, родившийся в деревне, не может окончательно покинуть её. Причём неважно, насколько далеко он уедет.

От этих слов у меня сжалось сердце. Толя осторожно продолжил:

— Если человек не возвращается добровольно, они забирают что-то взамен.

Я стояла в оцепенении, не сумев подобрать слова, но дрожащим голосом спросила:

— Это значит, я не смогу больше уехать отсюда?

— Уехать можно, Тась. Но уйти — нет.

— Это как?

— Сначала ничего не происходит. Ты живёшь своей жизнью, заводишь друзей, работу, семью. Думаешь, что всё закончилось. А потом начинаешь забывать. Люди возвращаются сюда другими, — тихо сказал Толя. — Кто-то безумным,

полностью потерявшим рассудок. Кто-то забывает свою прошлую жизнь. Не помнит ни дома, ни близких, ни того, кем был раньше.

— А самое страшное знаешь что?

Я медленно покачала головой.

— Иногда они помнят всё. Только уже не хотят говорить о том, что видели там, за пределами деревни.

— Но мы же уехали, и с нами всё было хорошо. Никто не потерял рассудок, никто ничего не забыл.

Я невольно засомневалась. Всё это звучало слишком сказочно. Хозяева, договор, деревня, которая не отпускает людей... Будто мне рассказывали старую страшилку у костра, а не говорили о моей собственной жизни.

Толя тяжело вздохнул.

— Вот это нас и настораживает...

Где-то на окраине громко залаяла собака, а спустя мгновение все остальные дворовые псы дружно подхватили лай.

— Пошли к моему отцу сходим, — сказал Толя.

Я кивнула, и мы побежали к поляне, где с раннего утра до самого вечера копошились фермеры, вспахивая поля.

Мы выбежали на открытую поляну. Работяги как обычно, что-то вскапывали на своих участках. Одним из них был папа Толи — дядя Кузьма. Мы с Толей переглянулись и без задней мысли рванули к ним наперегонки. Но как же сильно мы ошиблись, подумав, что они просто вскапывают грядки...



Глава третья

Изменения

Запыхавшись от быстрого бега, мы подбежали к мужчинам. Их грязная фермерская одежда была покрыта пылью и комьями земли после долгой работы в поле.

— Пап, привет! — воскликнул Толя.

— И тебе не хворать, сынок, — Кузьма как ни в чём не бывало продолжил копать землю.

— Ну куда же столько урожая-то сажать, пап? И так подвалы доверху полны!

— Сынок... Не урожай это. По крайней мере, не для нас.

— Что ты имеешь в виду, пап?

— А ты подойди, коль не боишься. Видишь мешок у земли?

Толя занервничал, но постарался спросить ровным голосом:

— Ну и... что там?

— Вышел я, кажись, аккурат к шести утра: кур покормить да поле полить. Иду себе по тропе, глядь — человек лежит. Я к нему подбежал, а он уже и дух испустил. Сперва-то по лицу и не признал, а после всматриваюсь — ба! Сосед же наш, Колян. Ну, по первости подумал: помер от водки проклятой.

Кабы не обратил я внимания на одну деталь...

Толя стоял, выпучив глаза на отца, и лишь молча кивал — мол, продолжай.

— Ну так вот. Рядом с телом нашёл я чешую рыбою да украшения женские. Сразу о проклятой подумал... Только вот беда в другом.

— Бать, да быть не может! Упал, споткнулся, в руках рыба была — вот собаки её и растерзали.

— Да нет, сынок, — дядя Кузьма озадаченно почесал затылок и заговорил тихо-тихо. — Дело в том, что метку она на нём оставила.

Кузьма осторожно приподнял мешок, а затем измазанную в земле рубаху покойника.

— Глянь. Говорю ж тебе — она, проклятая.

— Но... разве они не выходят только ночью?!

— Да и я о том же! Столько лет нас не трогали, столько выходили лишь в своё положенное время...

Я переводила испуганный взгляд с Толи на дядю Кузьму и тихо, сдерживая дрожь в голосе, спросила:

— А... А что, если они всю деревню убьют?

— У нас с ними от века уговор стоял! Мы им на праздник — пряности да вязь, а они взамен лишь по ночам бродят да людей наших не калечат. Завтра как раз праздник этот... А они Коляна зазря извели! Только вот пошто?

— Дядь Кузьма, а раньше бывало такое? — осторожно спросила я.

— Ну, бесновались порой, не без этого... Но наших не губили — так, запугивали только.

Толя посмотрел на меня и неожиданно серьёзным голосом произнёс:

— Тась, ты иди домой, ладно? Не надо тебе этого видеть. Домой придёшь — смастери что-нибудь для них. Завтра пойдём добро у нечисти вымаливать.

— Толь...

— Не спорь, иди!

— Давай соберёмся все сегодня вечером, — твёрдо сказала я.

Толя отвернулся и, помогая отцу копать землю, выкрикнул вслед:

— Согласен!

Я отправилась домой. Тропа как раз вела мимо моего любимого места с плоским камнем у реки. Замедлив шаг, решила на пару минут присесть и снова взглянуть в воду. Смотрела внимательно, до боли в глазах, пытаюсь осмыслить происходящее.

— Надо отсюда уезжать... Надо срочно отсюда уезжать. Этого же просто не может быть! — убеждала я себя, хотя в глубине души прекрасно понимала: всё происходящее — чистая правда.

Я уже собиралась встать и уйти, как из тёмной глубины снова блеснули эти белые глаза. От переизбытка страха и накопившегося напряжения у меня началась истерика. И при-

нялась кричать прямо в воду:

— Да что?! Что?! Что тебе от меня нужно?! А нушла отсюда!

В то же мгновение из воды резко выскочила бледная, как смерть, чудовище. Существо невозможно было назвать ни человеком, ни зверем. Его длинное, жилистое тело заканчивалось массивным рыбьим хвостом, который с влажным шлепком бил по земле. Руки были слишком длинными и заканчивались перепончатыми пальцами с чёрными когтями. Голова казалась непропорционально большой, а пасть раскрывалась так широко, словно могла проглотить человека целиком. За рядами острых зубов извивался тёмный язык, а белые глаза, не моргая, следили за каждым моим движением.

Я отшатнулась и плюхнулась на гальку, судорожно попятившись назад, но та тянулась за мной прямо по берегу!

— От... Отда... ОТДАЙ, ЧТО ВЗЯЛИ! — нечеловеческим, полуписклявым шипением прокричала нечисть.

Оцепенев от ужаса, я не могла вымолвить ни звука и лишь в страхе смотрела на эти безумные белые глаза.

Тварь снова захрипела:

— Отдай!..

Я сорвалась с места и побежала вглубь леса, не разбирая дороги и не останавливаясь. Дыхание сбилось, лёгкие жгло огнём. Когда наконец остановилась и смогла перевести дух, то с ужасом поняла, что от страха забрела в самую чащу, слишком далеко от деревни и привычных троп...

Собравшись с мыслями, я попыталась вспомнить, откуда именно бежала, бормоча себе под нос:

— И что мне дома не сиделось? Угораздило же... Ещё и телефон на столе оставила. Была бы в городе — сейчас бы даже спать без него не легла!

Шаг за шагом, ориентируясь по верхушкам деревьев, я всё же выбралась из чащи. Лес вывел меня напрямик к окраине деревни. Помня наставление Толи, я первым делом забежала домой, чтобы посоветоваться с бабушкой. Пугать её тем, что только что произошло, не стала — у неё и так здоровье ни к чёрту, лишняя встряска ни к чему.

— Ба, завтра же праздник... — с порога начала я. — Все что-то мастерят, готовят, а я вроде как чужая тут. Что мне можно сделать им в подарок? Бабушка улыбнулась и отложила шитьё:

— Сделай из бус украшение, внученька. Думаю, им понравится.

— Спасибо, бабуль! Я обняла её и уже побежала к себе в комнату, как бабушка окликнула меня у самой двери: — Тась! Ты только проговори заговор, пока делать будешь. Обязательно скажи: *«Вью, шью и мастерю на волю вашу, Не злюсь, не кричу и не тону в страхе вашем. «Дарю подарки эти вам — Так не троньте деревню силой вашей!»* — Интересный заговор... — задумчиво прошептала я и убежала к себе, проговаривая заговор, чтобы не забыть. Достав из шка-тулки старинную прочную леску и россыпь пёстрых бусин, я

стала аккуратно нанизывать их одну за другой, тихим шёпотом проговаривая бабушкины слова. Из медитативного занятия меня вырвал лёгкий стук в окно. За стеклом стояла Машка — она радостно махала мне рукой, зазывая выйти на крыльцо. Я спешно отложила незаконченные бусы, положив на кровать, и выбежала к ней. Мы заключили друг друга в тёплые, крепкие объятия.

— Ты что, решила подарки для них смастерить? — Маша кивнула в сторону окна моей комнаты.

— Ага. Подумала, что раз уж я тут столько лет не была, нужно попытаться к ним расположиться на время.

— А ты сама-то как? После всего, что узнала? — Маша взволнованно взяла меня за руки. Я не стала томить подругу и выложила всё, что произошло за время её отсутствия: и про погибшего Коляна, и про жуткую тварь из реки, и про «Отдай!».

— Ох, беда-беда, Тась... — пробормотала Маша, выслушав меня. Я устало села на деревянные ступени крыльца и обхватила колени руками: — Маш, я после праздника уеду.

— Но... — Я всё решила, подруга. Не хочу здесь оставаться. Раньше это место было для меня чувством безопасности, беззаботности и утешения. А теперь что? Твари эти, нечисть, глаза проклятые из воды... Люди гибнут! Нет, Маш, я так не смогу.

Маша понимающе кивнула и присела рядом, обняв меня за плечи:

— Ну, на то воля твоя. Оно и к лучшему, наверное. Мы-то с пацанами тут с детства привыкли, а для тебя это дикий шок. Так что тебя тоже можно понять.

Расстроенная Маша поднялась и уже собралась уходить, как я окликнула её вслед:

— Мы сегодня с ребятами договорились встретиться. Придёшь?

— Куда ж я денусь, — выдавила фальшивую улыбку и, неспешно перебирая ногами, побрела к калитке.

Вернувшись в комнату, я продолжила плести украшение. Бусинки ложились одна за другой, а в голове шла непрерывная война двух мыслей. «А если с ними что-нибудь случится, а меня не будет рядом? Ну нет, я не могу просто так бежать. Нужно со всем разобраться!» — твердил один голос. «Да ну... Раньше же они как-то жили без тебя, и всё было нормально! Все живы-здоровы... Ну... почти», — возражал второй. К тому моменту, как последняя бусина закрепилась на леске, пришло время идти на встречу с ребятами. Когда мы встретились, то уселись на старую деревянную скамейку в самом центре деревни. Я сминала в пальцах край кофты, не зная, как подступиться к теме своего отъезда. Из всех ребят об этом знала пока только Маша.

— Ребят... Разговор есть, — тихо начала я. Все тут же повернулись ко мне. Лишь Маша отвернулась, уставившись куда-то в закатную даль.

— Я после праздника уезжаю обратно в город. Ребята тут

же наперебой начали задавать вопросы, а Мишка недовольно взмахнул руками:

— Эй! Ты же обещала на три месяца приехать! — крикнул он, всем видом выражая протест.

— Я сама не хочу уезжать, правда... Но я не смогу. Я просто не смогу смириться с тем, что здесь происходит! Люди гибнут, твари эти спокойно бродят по округе, и все делают вид, будто так и должно быть. Это же ненормально!

— Тась, — мягко перебил меня Толя и перевёл взгляд на остальных. — Ребят, пусть едет.

Я с глубоким чувством благодарности посмотрела на Толю. Спорить никто больше не стал. До самого заката мы просто сидели на скамейке, вспоминая старые добрые времена и наше беззаботное детство, а после разошлись по домам — готовиться к завтрашнему празднику. Когда я вернулась, бабуля всё ещё копошилась на кухне. Она ещё не знала о моём решении. — Бабуль...

— Да, моя золотая? — откликнулась она, не отрываясь от дел.

— Я решила уехать домой.

— Из-за нечисти проклятой? — бабушка тихо вздохнула и повернулась ко мне.

— Да. Я вижу всё это, ощущаю всеми фибрами души этот страх и напряжение... Я просто не выдержу.

— Я понимаю, внуча, — бабушка подошла и ласково погладила меня по плечу. — Я завтра же позвоню твоим ро-

дителям, и сразу поедешь. А сейчас иди отдохни, приведи мысли в порядок. А может... ещё и передумаешь. Я прошла к себе в комнату и, устало опустившись на кровать, сжала виски ладонями. Мысли не давали покоя. — Может, стоит остаться? Люди же живут здесь... И я смогу. Постараюсь закрыть глаза на нечисть. Привыкну... Я изо всех сил пыталась убедить себя, что всё не так страшно. Что со временем страх отступит, а жизнь войдёт в привычное русло. Совсем не хотелось уезжать от друзей и бабули. Столько лет мы были в разлуке, а теперь, когда наконец снова нашли друг друга, бросить всё и уехать казалось предательством. Я продолжала спорить сама с собой, цепляясь за каждую мысль, которая могла бы заставить меня остаться. Но усталость постепенно брала верх. Веки налились тяжестью, мысли становились всё тише, а сознание медленно ускользало.

Как только я уснула, мне приснился странный сон. Я стояла посреди густого леса. Но это был не тот лес, который знала. Он был чёрным. Чёрные стволы деревьев уходили высоко в небо, а вместо обычных листьев на ветках висели тёмные, почти угольные листья. Некоторые из них пылали изнутри багровым огнём, но почему-то не сгорали. Они медленно шевелились, хотя ветра не было. Вокруг стояла такая тишина, что не слышала собственное дыхание. Оглянувшись, заметила что не было ни дороги. Ни людей. Ни единого признака того, что здесь когда-нибудь ступала человеческая нога. И тогда я увидела его. В самой гуще леса стояла огромная

тварь. Сначала даже не поняла, что передо мной вообще живое существо. Оно было слишком высоким и непропорциональным. Длинные, массивные руки почти касались земли. Всё его тело было покрыто глубокими царапинами и старыми ранами, словно оно годами пробиралось сквозь колючий лес или с кем-то отчаянно боролось. Но страшнее всего были глаза. Они были нечеловеческими. И смотрели прямо на меня. Не моргая. Не отводя взгляда. Но как только хотела сделать шаг назад, ноги словно приросли к земле. Тварь медленно наклонила голову. И я впервые увидела её рот. Он был огромным. Слишком огромным для человеческого лица — он растягивался почти на всю морду. Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Кто ты?...

Тварь не ответила. Она просто продолжала смотреть. А потом сделала шаг. Земля под моими ногами дрогнула. Ещё шаг. Я попыталась закричать, но голос пропал. Тварь остановилась совсем близко. И уже могла разглядеть каждую рану на её теле. И вдруг она заговорила. Голос был низким, хриплым и каким-то невозможным. Казалось, будто одновременно шептали десятки голосов.

— Ты всё-таки пришла...

— Куда?

Тварь медленно раскрыла рот.

— Домой.

Я почувствовала, как тысячи мурашек прошли по моему

телу. Медленно обернувшись, увидела между деревьями маленький деревянный дом. Тот самый. Бабушкин дом. Только теперь он стоял посреди чёрного леса. Окна были тёмными. Дверь распахнута. А на пороге кто-то стоял. Я прищурилась, разглядывая темный силуэт .

— Бабушка?..

Фигура медленно подняла голову. Но это была не она. Вместо лица у существа была одна сплошная чёрная пустота. Я отшатнулась и снова посмотрела на тварь. Она улыбалась.

— Ты оставила её там, — прошептала она.

— Кого?..

Тварь наклонилась ко мне так близко, что я почувствовала на лице её холодное дыхание.

— Ту, которая знала, что ты придёшь.

Я хотела спросить, что это значит.

Но вдруг услышала бабушкин голос. Совсем рядом.

— Беги...

Я резко обернулась.

— Бабушка?!

Голос повторился, уже громче:

— Беги, Тася!

И в этот момент чёрные листья над моей головой вспыхнули. Вся чаща ожила. Из темноты начали доноситься шаги. Один. Другой. Третий. Сотни шагов. Кто-то приближался со всех сторон. Тварь за моей спиной вдруг рассмеялась. И я рванулась вперёд. Бежала, не разбирая дороги, цепляясь за

ветки, падая и снова поднимаясь. Но лес не заканчивался. Наоборот. Деревья становились всё выше, темнее и плотнее. А за спиной я слышала её. Тяжёлые шаги. Она не торопилась. Она как-то будто знала, что я всё равно не убегу. Я споткнулась и упала на землю. Передо мной лежало что-то блестящее. Я протянула руку и подняла предмет. Это была маленькая старая деревянная иконка. Та самая, которую я много раз видела у бабушки. Но на её обратной стороне были выцарапаны слова: «Не позволяй ему узнать твоё имя».

Я подняла глаза. Тварь уже стояла передо мной. Совсем близко. Она медленно протянула ко мне свою длинную руку. И прошептала:

— Я уже знаю.

Я проснулась с криком. Села на кровати и несколько секунд не могла понять, где нахожусь. Сердце бешено колотилось. Комната была тёмной. Я тяжело дышала и пыталась убедить себя, что это был всего лишь сон. Всего лишь кошмар. Но потом я почувствовала что-то холодное у себя в ладони. Я медленно раскрыла пальцы. И замерла. На моей ладони лежал маленький чёрный лист. Он был обожжён по краям. И от него пахло дымом. Я вскочила с кровати. За окном что-то тихо прошелестело. А потом трижды постучало в стекло. Я застыла. И услышала за окном тихий шёпот:

— Тася...



Глава четвертая

Долги

Я не решалась подойти и выглянуть в окно. Но что-то внутри будто подталкивало меня к нему. И обхватив руками колени, стала нервно покачиваться, пытаюсь успокоить себя. — Это всё неправда... Это не правда...

Я повторяла эти слова снова и снова, словно если произнесу их достаточно много раз, они действительно станут правдой. В комнате стало тихо. Слишком тихо. Я уже почти убедила себя, что мне всё это приснилось, как вдруг снова услышала голос. На этот раз он был настойчивее. Грубее. И гораздо ближе.

— Тася...

Я перестала дышать. Он назвал меня по имени. И я медленно подняла голову. Несколько секунд просто сидела, глядя в сторону окна. Потом голос снова повторился:

— Тася...

Медленно встав с кровати. Ноги резко закончились, так сильно, что я едва чувствовала под ними пол. Каждый шаг к окну отдавался гулким стуком где-то внутри груди. И остановилась перед занавеской. Рука зависла в воздухе.

— Не надо...

Сама не знаю, кому это сказала — себе или тому, кто находился по ту сторону стекла. Но пальцы всё же коснулись ткани. Медленно, дрожащей рукой немного отдёрнула шторку. И меня прошибло холодным потом. Прямо под моим окном стояла фигура. Высокая. Слишком высокая для человека. Она стояла неподвижно, запрокинув голову и глядя прямо на моё окно. На меня. Даже через тёмное стекло, чувствовала этот взгляд. Я зажала ладонью рот, чтобы не закричать. Это была она. Та самая тварь из сна. Те же длинные руки. То же изуродованное тело. Та же огромная пасть. Но теперь видела её не во сне. Она была здесь. Во дворе. В реальности. Я отшатнулась от окна. Шторка тут же упала обратно. Несколько секунд я просто стояла, прижавшись спиной к стене «Этого не может быть...» И снова посмотрела на окно. Ничего. Только темнота. И осторожно подошла ближе, чуть приподняла край занавески. Двор был пуст. Я выдохнула. Как уже собиралась отойти, когда на стекле медленно проступил след. Будто кто-то провёл пальцем по запотевшему окну снаружи. Один раз. Потом второй. А затем появились буквы. Я смотрела на них, не в силах пошевелиться. На стекле было написано:

— Отдай что взяла!

Не выдержав увиденного, я задвинула штору и вбежала к бабушке в комнату. Проскочила через дверной проём и, не разбирая дороги, залезла на кровать, прижимаясь к бабушке.

Она вздрогнула от неожиданности, просыпаясь:

— Охти мне! Тася, ты, что ль? Напугала-то как! Что случилось-то, сон дурной привиделся?

— Д-д... — заикнулась я, дрожа всем телом. — Да, бабуль. Нечисть увидела...

Бабушка приподнялась на локте, её лицо в лунном свете показался мне непривычно суровым:

— Где видела?

— Там... за окном стояла, — и кивнула в сторону своей комнаты.

Бабушка тяжело вздохнула:

— Уу, окоянные! Совсем разбушевались.

Между нами повисла гнетущая тишина. Где-то вдали, из моей комнаты, всё ещё слышался едва уловимый скрежет когтей по стеклу.

— Не бойся, внученька, в дом они не зайдут. В доме могут быть только слабые, такие как домовые. Они почти не трогают. Лишь только если уговор нарушишь или причинишь им зло. Бабушка всячески пыталась меня успокоить. Но я, лишь в панике переводя дыхание, глядела в сторону комнаты. Как только немного пришла в себя, начала серьёзный разговор с бабушкой.

— Да почему они меня трогают? Что я им сделала? Почему приходят ко мне?

— Этого, внученька, я не знаю. Что-то надо им. А вот что — нам, простым смертным, не дано знать. Я лежала, не зная,

стоит ли говорить бабушке о том, что погиб дядя Коля . И наконец, неуверенно дрожащим тоном, прошептала:

— Ба?

— Ау, моя золотая, — ласково отозвалась она.

— А тебе не страшно вообще... тут находиться? Что такие вещи творятся?

Бабушка улыбнулась, её рука привычным жестом погладила меня по голове:

— Ой, внученька! Я уж то привыкла за столько-то лет. Да только нынче что-то не ладное творится...

«Как тут можно привыкнуть, когда твоя жизнь буквально стоит на кону?!» — подумала про себя, чувствуя, как страх снова подступает. Решив всё же зайти издалека, спросила:

— Слушай, а ты знала дядю Колю? Сосед наш, который на отшибе жил?

— Знала, конечно. Работящим мужиком был, не пил да жил прилично . А как связался с Маруськой этой, так и не просыхал. То ль запудрила мозги мужику, то ль приворожила... может порчу какую навела? Это мы все селом гадаем. Она-то преставилась уже как лет десять назад. А он всё ходил, и света белого не видел... А чего вдруг ты про него спросила?

— Умер он...

— Охти мне! — Бабушка тяжело вздохнула. — Допился, бестолочь.

— Да нет, бабуль... Тут дело в другом.

Бабушка щелкнула выключателем ночника. Тусклый желтоватый свет залил комнату. Она привстала и тяжело облокотилась на спинку кровати, вглядываясь в моё лицо:

— Ну дак? Что стряслось? Не ходи вокруг да около.

— Мы с Толей гуляли на поляне, как увидели отца его. Смотрим — с мужиками землю копают. Ну, мы и подумали, что урожай пахают... Подбежали ближе, а там... там дядя Коля бледный лежит.

— Ну, сердце у него слабенькое-то было, томно перебила бабушка, вперемешку с зевотой. — Вот от пьянки и не выдержало.

— Да нет, бабуль, ты дослушай! — я заговорила быстрее, стараясь передать весь ужас той находки. — Первым делом мы с Толькой тоже так подумали. Но затем его отец... он показал нам метку на нём.

Бабушку словно подбросило. Сонливость мгновенно слетела с её лица:

— Метка? — её голос стал непривычно резким.

— На руке у него была вырезанная метка. Какие-то символы: треугольники, круги... Что они означают — я не знаю.

Бабушка задумчиво отвела взгляд, сжимая край одеяла побелевшими пальцами, и едва слышно прошептала:

— Повторяется... Ох, повторяется, беда.

— Что повторяется, бабуль? Ты знаешь, что это за метки? Ты их видела раньше? Скажи! Уже с напором надовила на неё.

— Отчасти — да... А вот отчасти мне и до сей поры неизвестно. В общем, слушай, внуча. Много лет тому назад нечисть как приходила в сёла, так и ходит, никого не стесняясь. Людей тогда гибло без счёту. И жила здесь ведьма. Травы всякие варила, да людей лечила, и с нечистой дела имела. О них, она много чего знала. Вот ей в голову и рухнуло, что надо связать уговор между ними. Треугольники — это земля людей, а круг — это граница, которую нечисть не смела переходить. И вот каждый рисовал себе этот оберег. Да и поутихло как-то.

Но как-то раз один из мужиков плюнул на этот уговор, да рассердил нечисть. Ушёл в глубь леса, да деревья по вырубал, грибы потоптал, да и бранными словами на них кликал. Так ночью в этот день его и не стало. Когда обнаружили, нашли на нём похожую метку. Всё бы ничего, ну повёл себя неподобающе, как ты могла подумать, ответил за своё. Но нет, после этого наша деревня перестала быть в спокойствии. Кого-то из домов призывали к реке, да те гибли, и неважно было — день иль ночь. Кого могли убить по средь белого дня. В общем, людей становилось меньше. И вот договорились с нечистой, для них праздники устраивать, чтоб задабривать: обряды, ритуалы, подношения. Да под успокоилась-то тварь... А теперь опять. И ведь вся деревня знает, что нельзя ничего в их сторону клеветать даже шёпотом. Потому что они всегда нас видят и слышат.

Моё тело было напряжено. Мне было и интересно, но и

при этом страх брал вверх.

— И что думаешь, Ба? Кто виноват в его смерти?

Бабушка Вера лишь, пожав плечами, посмотрела в сторону моей комнаты.

— Думаю, что не к добру это всё... — тихо ответила она.

Бабушка зевнула, погладила меня по макушке:

— Укладывайся. Чуть-чуть, и будет как раз-таки важный день.

— Конечно, баб, — Доброй ночи.

Через некоторое время по комнате разнеслось тихое бабушкино сопение. А я всё продолжала лежать с открытыми глазами, напряжённо вслушиваясь: не заскребёт ли снова эта нечисть по окну.

Но за стеклом стояла глухая тишина. Лишь стрекот сверчков нарушал ночной покой, да ветер изредка шевелил ветви старой яблони, отчего их тени медленно скользили по стене. Каждый такой силуэт заставлял сердце на мгновение замирать. Уснуть долго не получалось. Я ворочалась с боку на бок, вздрагивая от каждого шороха. Казалось, стоит мне закрыть глаза — и за окном снова появится та жуткая морда с огромной пастью. Мысли сменяли одна другую, не давая ни минуты покоя. Незнание пугало сильнее самого чудовища.

Лишь ближе к рассвету небо за окном начало едва заметно светлеть. Ночь медленно отступала, а вместе с ней понемногу уходил и страх. Усталость наконец взяла верх, и я прова-

лилась в тревожный сон.

С трудом приоткрыла слипшиеся веки и нащупала телефон. Посмотрела на время и страдальчески застонала:

— Ой, ну всего семь утра! За какой меня дернуло проснуться в такую рань?..

Но чуйка сработала быстрее, чем успела досмотреть сон. Из кухни донесся бодрый голос бабушки:

— Тася! Вставай! Собираться пора!

Я попыталась прокричать в ответ своим сонно-охрипшим голосом, но получилось скорее просипеть:

— Да встаю, встаю...

Бабушка, как всегда в своем репертуаре, уже вовсю шуршала посудой. Я зевая, забрела на кухню.

— Не выпалась, милая, да? — ласково спросила она, не отрываясь от дел.

— Угу... — буркнула и потирая ещё сонные глаза.

— Давай, неси свои подарочные бусы, да одевайся скорее, — тон бабушки внезапно стал серьезным.

Меня словно током ударило. Праздник! Обряд!

— Ох, точно! Я ж совсем про них забыла! — пискнула я и пулей полетела обратно в комнату.

Начала лихорадочно шарить по всем полкам и ящикам.

— Да где же они?! — бормотала я вслух, переворачивая все вверх дном.

В нервных поисках наткнулась на старую, потрепанную книгу сказок, которые бабушка читала мне в детстве. Замер-

ла на секунду, глядя на обложку.

— Да... В детстве я думала, что все это чушь... Ворчала себе под нос. — Ах, вот же они! — бусы наконец-то нашлись, запутавшись в углу ящика.

Я схватила их в мокрые от волнения ладошки и побежала на кухню.

— Вот, смотри, — протянула их бабушке.

— Какая ты у меня мастерица! — гордо похвалила она, разглядывая украшение. — Настоящая красота! Ну всё, нету времени копошиться, пошли.

Мы вышли из дома и пошли по тропе. Удивительно, но на улице было полно народу. В воздухе стоял радостный гул, слышался смех, и даже откуда-то доносилась музыка. Я смотрела по сторонам с полным недоумением. Вчерашний ужас, хтонь из реки, дядь Коля — всё это казалось сейчас каким-то сном.

— Знаешь, — тихо сказала бабушке, — вот смотришь на всех этих людей, и никогда в жизни не скажешь, что здесь «такое» творится...

Бабушка понимающе усмехнулась:

— Это да. А зачем унывать-то, правда же? Людям легче пережить год, зная, что у них есть уговор. Мы занимаемся своим, а нечисть — своим. Так что всем хорошо.

Я не знала, что ответить на это философское замечание. Как «всем» может быть хорошо, когда они убили дядю Колю, и живут с нечестью бок о бок? Я просто замолчала и стала

наблюдать за веселящимися людьми, стараясь не думать о плохом. Минут через десять мы поднялись на красивую гору, возвышающуюся над деревней. Место было уже подготовлено: повсюду висели разноцветные украшения, пахло пряностями. На специально отведенные столы, люди складывали свои подношения. Мы тоже пришли не с пустыми руками. Бабушка важно поставила на стол большую, до краев наполненную тарелку с пирогами и мясом. Я же, немного поколебавшись, подошла к старому, раскидистому дереву и повесила на ветку свои бусы.

Ветер тихонько раскачивал их, заставляя бусины переливаться на солнце. Я стояла, любуясь тем, как красиво и необычно это выглядит, и втайне надеялась, что «им»это тоже понравится. И что «они» оставят нас в покое. Пока мы любовались подношениями, к нам подошли ребята.

— Привет, Тась! Хорошо-то как, а? — воскликнули они хором.

— Привет, рада вас видеть, — улыбнулась , чувствуя себя немного увереннее в их компании.

— Волнуешься? — Даша заботливо погладила меня по спине.

— Ну... вообще немного. Всё так непривычно и странно.

— Так ты всё-таки уезжаешь? Не передумала? — вклинилась в разговор Машка.

— Нет. Я уж точно всё решила, — отрезала я, чтобы больше не возвращаться к этой теме.

Тут Толя резко прервал наш диалог, указывая рукой на горизонт:

— Смотрите! Там такие тучи вдали... Гроза, похоже, намечается.

Я всегда любила дождь. Он успокаивал мысли, приводил в чувства, да и просто пах свежестью.

— Ооо, как хорошо! — с облегчением выдохнула я. — А то эта жара уже запалила нас, как угольков. В город приеду — подумают, что на пляжах всё время загорала, — я усмехнулась, пытаюсь хоть как-то разрядить обстановку.

— Да нет, Тась, это не есть хорошо. Уж точно не в этом случае, — хмуро буркнул Миша, косясь на приближающиеся тучи.

— Почему же? Меньше хлопот, огороды поливать не нужно.

Тут к нашему разговору подключилась бабушка, которая до этого молча стояла рядом:

— Полегче, ребята. Тася не знает всех этих деталей с обрядом, — сказала она, и друзья, понимающе кивнув, замолчали, давая слово бабушке.

— Лет так десять у нас на обряд всегда была хорошая погода, — начала она, и её голос зазвучал как-то особенно торжественно и тревожно. — Начало лета, солнце было пылким, ласковым... А теперь тучи чернее чёрного. Это явно не к добру, внученька. Ой, не к добру...

Едва она договорила, как мимо нас прошла старенькая,

совсем сморщенная бабушка в затрепанной, выцветшей косынке. Она шла, шаркая ногами, и не отрываясь смотрела прямо на меня своим тусклым, колючим взглядом. Я невольно поежилась. Старуха прошла немного вперед и встала поодаль от нас, но взгляда так и не убрала, продолжая пялиться на меня.

— Ну и странная бабуля, — прошептала я, косясь на неё. Друзья посмотрели на меня с удивлением.

— Где? — выгнув бровь, с интересом спросила Маша.

— Да вон же стоит, рядом с выходом, — я кивнула в сторону старухи.

Ребята переглянулись.

— Тась, всё нормально? — осторожно спросил Толя, внимательно всматриваясь в моё лицо.

— Ну да, — я пожала плечами. — А к чему вы спрашиваете? Вон бабушка стоит, бормочет под нос себе... Ну очень странная она.

— Тась... так там никого нету, — удивленно сказала Даша.

— В смысле «нету»?! Вы что, шутите так?! — я начала злиться, чувствуя, как внутри нарастает паника. — Я не сошла с ума! Я чётко её вижу! Она вон там стоит!

Как только отвела взгляд от ребят, и снова посмотрела в сторону выхода, там... никого уже не было. Пустое место.

Бабушка, заметив мою бледность, снова попыталась меня успокоить. Её ладонь легла мне на плечо, и в голосе прозвуч-

чали непривычные, серьезные нотки:

— Тась... Тебе ещё предстоит много узнать. Похоже, ты как-то связана с этим местом крепче, чем мы думали. У меня были догадки, но я всё отмахивалась от них, не хотела верить... Но сейчас сомнений нет. Дело в том, что действительно только ты могла её видеть. Далеко не всем дано узреть духов наших предков. Только тем, в ком кровь особая течет... или кому «предначертано». Возможно, тебе пытаются оставить подсказку. Или предостережение. Уж наверняка мы этого знать сейчас не можем.

Пока бабушка рассказывала, эта сгорбленная старуха в затрепанной косынке снова прошла мимо меня. Но на этот раз — не шаркая ногами, а быстрым, неестественным шагом. Словно скользнула тенью. Поравнявшись со мной, она резко повернула голову, и я снова увидела пустые, колющие глаза.

— ОТДАЙ! — пронзительный, скрежещущий шепот вонзился мне в уши, заглушая голоса людей на горе.

Меня в этот момент одернула бабушка, возвращая в реальность:

— Тась... Может, ты всё-таки останешься здесь до конца лета? — в её глазах застыла мольба. — Возможно, именно ты можешь что-то изменить. В лучшую сторону изменить. Для всех нас.

Но я уже не слышала бабушку. Гнев и страх, копившиеся всё это время, вырвались наружу. Я больше не могла это терпеть! Обернувшись в ту сторону, где только что была ста-

руха, я на эмоциях выкрикнула на всю гору:

— ДА ЧТО ОТДАТЬ-ТО ВАМ?! Я НИЧЕГО НЕ БРАЛА!
ЧТО ВАМ НУЖНО ОТ МЕНЯ?!

Прохожие, весело болтавшие мгновение назад, испуганно замерли. Десятки глаз усталились на меня. Музыка стихла. Кто-то начал перешептываться, косясь на меня с подозрением, а кто-то и вовсе, подхватив свои подношения, стал поспешно уходить. Я стояла тяжело дыша, чувствуя, как краснеет лицо от стыда и ярости. Меня резко одернула за руку Маша:

— Тась, тихо! Ты чего?! Все хорошо, мы рядом. Пойдём... Пойдём поговорим, — она потащила меня прочь от любопытных взглядов. Мы отошли на пару метров от друзей, под раскидистое дерево.

— Я не понимаю, что они от меня хотят! — горячо зашептала я Маше, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы бессилия.

— Мне твердят, чтобы я отдала что-то! Да что я должна отдать-то, чего даже в руки не брала?! Я вообще здесь всего пару дней! А у меня уже требуют что-то отдать! Ночами спать не дают, всё как одно: «отдай» да «отдай»! Я не понимаю, Маш! Я схожу с ума!

— Вспомни твой последний уезд из деревни, — Маша смотрела на меня серьезно и немного испуганно. — Пять лет назад. Может, взяла что чужое тогда? Случайно?

— Да не брала я ничего! — я в отчаянии взмахнула ру-

ками. — Ни травинки, ни камушка, понимаешь? Ничего! У меня нет ничего их!

— Давай успокоимся, — Маша положила руки мне на плечи. — Сегодня нужно быть спокойной. Нам нельзя тревожить хтонь. Обряд должен пройти мирно.

— Да скорее это они меня тревожат, а не я их! — горько усмехнулась я, вытирая слезы.

Маша молча приобняла меня, давая понять, что она на моей стороне.

— Пойдём на ритуал, — тихо сказала она.

Я тяжело вздохнула:

— О... Ну да. Ещё и ритуал. Прекрасно.

Мы собрались в самом центре деревни. И особенно ярко вспыхнул огромный, словно до неба, костёр, разведенный посреди площади. Все встали в огромный круг, взялись за руки, и по команде старейшины, и затянули старинный, тягучий заговор.

Мы пошли по кругу, мерно притопывая в такт, и сотни голосов слились в единый, вибрирующий поток:

— Вот дары вам, вот вам пир,

Вот леса, и реки, и весь мир.

Всё ваше — отныне и навека,

Покуда течёт по земле река.

Мы мир несем в ладонях,

Просим немного — лишь покоя.

Поживем ещё, покуда дышим мы весной.

Затем круг стал сужаться. Мы подходили всё ближе к огню, чувствуя его жар на лицах, и заговор зазвучал громче, настойчивее, словно мы пытались пробиться сквозь невидимую стену:

— Уговор старинный крепок и свят,
Каждый из нас подношению рад.
Примите дары, заберите наш страх,
Пусть мир царит на этих землях!
Оберег кругом мы замкнули тугим,
Пусть в лес уходит то, что чуждо живым.
Слово наше крепко, как камень-валун,
Не нарушит его ни мудрец, ни лгун!

На заднем плане негромко играла музыка. Мелодия была непривычной — медленной, тягучей, будто пришедшей из глубины веков. Под её протяжные звуки жители деревни один за другим выходили вперёд. Никто не осмеливался оставаться позади. Каждый понимал: стоит проявить неуважение или отказаться от обряда — и беда придёт в его дом. Кто-то едва слышно шептал молитвы, кто-то дрожащими губами просил пощады для себя, своих детей, родных и близких. В глазах не было ни радости, ни надежды — лишь страх и покорность, накопленные поколениями.

Музыка продолжала звучать, заглушая тихие всхлипы и сбивчивый шёпот. Казалось, сама деревня на несколько мгновений затаила дыхание, ожидая, примет ли нечисть их дары и позволит ли людям прожить ещё один год без своей

ярости. Свет солнца уже совсем близился к закату, окрашивая небо в тревожные, багровые тона. Пламя костра плясало, отбрасывая длинные, пугающие тени, которые, казалось, тянулись к нам из-за деревьев... Небо к этому времени уже окончательно застелилось огромной, непроглядной черной тучей, грозя вот-вот разразиться ливнем. Обряд завершился, и люди стали торопливо собирать вещи. Гул голосов понемногу стихал. Маша подошла ко мне и осторожно спросила, заглядывая в глаза:

— Ну что, Тась... Как тебе ритуал?

Я тяжело вздохнула, глядя на догорающий костер:

— Ну... очень даже весело, — в моем голосе проскользнула горькая усмешка. — Глядя со стороны, и не скажешь, что мы поем всё это всякой нечеловеческой твари, чтобы она нас не сожрала.

— Ты... ты уже завтра уезжаешь, да? — голос Маши дрогнул, и я увидела, как на её глазах выступают слезы.

— К сожалению... или к счастью, я уже и сама не знаю, — я отвела взгляд, чувствуя, как к горлу подступает комок. — Но да. Завтра.

— Давай тогда, пока солнце совсем не стемнело, соберемся с ребятами? — шмыгнув носом, предложила Маша. — Хоть попрощаемся нормально...

— Само собой, — я кивнула, стараясь держаться.

Мы быстро нашли остальных ребят в поредевшей толпе и вместе направились к нашему старому, укромному месту на

окраине деревни. Сели на покосившуюся деревянную лавку, скрытую в тени высокой ивы. Вокруг царила тишина, прерываемая лишь далекими раскатами грома. Я обвела взглядом друзей, с которыми провела столько лет в детстве и эти безумные пару дней сейчас.

— Ну что, ребята... Спасибо вам за эту короткую, но «такие» насыщенные дни.

— Знай, Тась, мы всегда тебе здесь рады, — серьезно сказал Толя. Задержав на мне ласковый взгляд.

Мы заключили друг друга в плотные, крепкие объятия. У девчонок снова подкатили слезы.

— Не забывай нас! — слезно прошептала мне в самое ухо Маша и вложила мне в ладонь самодельный оберег на кожаном шнурке. — Держи. На память. И на защиту. Я ещё крепче сжала подругу, чувствуя, как у самой начинает щипать в носу.

— Ну всё, ребят... Я ещё приеду. Обязательно приеду!

Ребята стали медленно расходиться по домам, оглядываясь и махая мне руками.

Когда я зашла в дом было тихо и как-то гнетуще. Бабушка сидела около печи на низком табурете, обхватив голову руками. Её плечи мелко дрожали.

— Я дома, ба! — позвала я с порога, но, разглядев её позу, осеклась.

— Бабуль, ты чего? Такая расстроенная... Это из-за моего отъезда, да?

Бабушка подняла на меня лицо. Опечаленный, зареванный взгляд, покрасневшие глаза, по лицу размазаны слезы. Она выглядела такой старой и беспомощной, что у меня сердце сжалось.

— Осталась... Коль одна ты у меня теперь, — прохрипела она сорванным голосом. — А у тебя...

— Ну чего ты, бабуль? — я растерянно села рядом с ней на край старого дивана, ласково приподнимая её за плечи. — Я же сказала: Я ещё приеду! Скоро приеду, вот увидишь!

Бабушка посмотрела на меня, и в её глазах мелькнуло что-то такое, от чего мне стало по-настоящему страшно.

— Ты и не уедешь пока что, внученька...

— Это ещё почему? — я искренне удивилась. — Ба, у меня уже все сумки собраны, вон, у двери стоят! Мы же всё обсудили, ты сама обещала! Да и родители уже в курсе, ждут меня...

— Родители... — Бабушка вдруг навзрыд заплакала, закрывая лицо руками. Её затрясло в настоящей истерике. Сквозь рыдания она пыталась выдавить из себя слова, которые я никак не могла осмыслить:

— Ваша... Ваша квартира... Она сгорела, Тась! Родителей... их больше нет! Пока те спали, да задохнулись... угарным газом. Нету их больше, Тасенька! Горе-то какое, господи!

Мир вокруг меня качнулся и начал медленно рушиться. Слова бабушки долетали словно сквозь толстый слой воды.

«Квартира сгорела. Родителей больше нет». Мозг отказывался принимать эту информацию, блокируя её. Я застыла в шоковом оцепенении. Внутри вдруг стало пусто и холодно, словно выжгли всё живое. Не было ни слез, ни крика, только этот ледяной, парализующий ужас. Я смотрела на плачущую бабушку и будто не видела её. Перед глазами стояла мама, улыбающаяся мама... И папа, ворчащий на телевизор...

— А так как тебе всего шестнадцать, — продолжала бабушка сквозь рыдания, — и осталась только я у тебя... Опекать доверит мне тебя. Ты здесь останешься, со мной. Её слова, наконец, пробились сквозь пелену оцепенения, вызывая дикую, отчаянную реакцию отрицания.

— Ты врёшь! — выкрикнула я, вскакивая с дивана. Голос сорвался на визг. — Ты всё врёшь! Это неправда! Неправда! Этого не может быть!

И убежала в свою комнату, захлопнув дверью, заливаясь горькими, горячими слезами.

— Нет... Нет, не может быть... Это всё сон! Просто кошмарный сон! Надо проснуться! —

Я стала лихорадочно щипать себя за руки, за ноги, до боли кусать губы. Тёрла лицо, надеясь, что вот сейчас открою глаза, и всё будет хорошо: я в своей комнате в городе, родители на кухне, а деревня со своей нечистью — просто дурной сон. Но боль была настоящей. И слезы были настоящими. И тишина за дверью, прерываемая лишь всхлипами бабушки, была настоящей. С диким криком я принялась сбрасывать

всё, что попадалось под руку. Фотографии, книги, вазы — всё с грохотом летело на пол, разбиваясь на мелкие осколки. Комод дрожал от ударов, а комната наполнялась звоном стекла и моими отчаянными рыданиями.

— Нет!.. Мама!.. Папа!..

И рухнула на колени, захлёбываясь слезами. После долгого, изматывающего плача, когда слез больше не осталось, а внутри от боли выжгло всё дотла, в комнату тихо зашла бабушка. В руке она держала стакан с мутной жидкостью.

— Я уж нахлебалась настойки травяной... Сил нет никаких, — тихо сказала она, — И тебе вот принесла. Выпей, милая. Легче станет.

Я запрыгнула на кровать, и отвернулась к стене, не в силах даже пошевелиться.

— Не буду...

— Нужно выпить, — мягко, но настойчиво повторила бабушка. Она аккуратно приподняла мою голову и поднесла стакан к губам.

Сделав несколько глотков горькой, пахнувшей травами жидкости. Бабушка дала мне запить водой. Настойка сработала почти мгновенно. Веки налились тяжестью, мысли стали путаться, и глаза против моей воли стали медленно закрываться. Последним, что я увидела, было опечаленное лицо бабушки в тусклом свете ночника, а после провалилась в глубокий, тяжелый сон, в котором не было ни пожаров, ни нечисти, ни боли... Только с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.